

Анатолий КРУГЛЯКОВ

Анатолий Иванович — в ОАО «Холдинговая компания «Кузбассразрезуголь» работал директором Дома научно-технической информации

ТРИ РАССКАЗА

МНЕ МАМА ЧАСТО ГОВОРИЛА

Никогда не забуду свою первую смену в лаве на шахте «Зыряновская», что в Новокузнецке. Помню, отбурили мы ее длинными штангами и зарядили шпур. Вышли на вентиляционный штрек, уселись на затажки, прижались друг к другу. Звеньевой крутнул ключом в машинке, и тут же раздались взрывы.

После проветривания спустились мы в забой: угля вывалило много — от почвы до кровли. Хорошо мужики бурят.

Монотонно гудит конвейер. Мелькают лопаты. Отшлифованные лезвия отражают лучи светильников. Я держусь, мысль-то одна — не отстать бы от напарника. Бросаю и бросаю уголь на транспортную ленту. С непривычки начинают ныть руки, а лопата уже крутится у меня, как веретено. Только очистили забой, надо его закрепить. В темпе рубим стойки, ставим их, обшиваем досками — и снова начинаем бурить. Ух ты, мать честная!

В детстве мама мне часто говорила: «Учись, Толя, учись хорошо: на инженера или, на худой конец, на учителя. Будешь сидеть в конторке в тепле и сухости, а не мантулить в шахте, как твой отец. Упаси Бог...». А когда после школы я все-таки пошел в шахту, а не в институт, мама слегла. Отец, надо отдать ему должное, сказал ей: «Ты, мать, оставь. Пусть сам выбирает себе дорогу в жизни. Не мешай ему и не ахай!...».

Вспоминаю рассказы бывалых шахтеров, которые говорили, что после смены они бегут к столу из всех сил. И я недоумевал — почему? А отец посмеивался: дескать, поймешь, когда сам испытаешь. И вот сейчас, не успев звеньевой крикнуть: «Отбой», как все оказались на вентиляционном штреке. Спешу последним. Сзади потрескивает кровля, из луж пузырится метан — этот адский газ, нагоняющий страх на шахтеров. Мне уже кажется, что трещит сбоку, впе-

реди, что еще миг — и кровля рухнет. И вот бегу, откуда силы взялись. В конце смены, казалось, выдохся, что еще бы немного — и свалился бы на кучу угля. Может, мама была права — не надо мне было лезть в эту шахту?

Прошло несколько таких недель, а потом и месяцев. Теперь я не был зеленым новичком, каким пришел на шахту. В лаве работал с хитринкой: не силой брал, а ловкостью. Глядя, как я рывком сначала на согнутые колени, а потом на грудь поднимаю бревно и легко вталкиваю верхний конец под кровлю, старые забойщики говорили: «Парень-то далеко пойдет... Дай ему Бог хорошую невесту...».

Эта похвала была для меня дороже любой награды. А вот невеста у меня была. Несколько лет дружили, сидели за одной партой. И поцеловались первый раз после выпускного вечера. Мы любили друг друга, почти всегда были вместе. И родители наши знали об этом, готовились к свадьбе. Мы вместе подали документы в пединститут. Но потом я передумал, поступил на шахту. И бросила меня Наденька. А через год вышла замуж. Тогда я не хотел больше жить. И только шахта спасла меня, сделала сильным и суровым.

Наша новая лава имеет наклон в десять градусов. В ней работать — одно удовольствие. Я как-то был на соседнем участке. Там пласт угля залегают почти вертикально, лава — под шестьдесят градусов. Забойщики ходят по стойкам, держась друг за друга — того и гляди загремишь вниз, так что потом ни один хирург не соберет.

Снизу, с конвейерного, крикнули:

— Какого черта не спускаете крепеж? Спите там, что ли?..

Звеньевой Аброськин подошел ко мне.

— Толя, сбегай-ка на вентиляционный, узнай, в чем там дело.

Иду по дорожке вверх. Справа — пласт угля с тончайшими прожилками белой породы. Вытаскиваю кусочек, как штукатурка. Бросаю в завал, попадаю в стойку, слышу глухой стук. Сверху посыпалась мелкая крошка. Оглядываюсь. Тихо. Почти весь уступ, который мы сегодня «взяли», не закреплен. Кровля сильно давит. Это видно по стойкам, которые уже поскручивало в спиральки, и по ним стекает вода. И мне

кажется, что стойки плачут. Ну за какие грехи лес вырубил, а потом послали в шахту на крепеж. А вдруг стойки не выдержат? А тут люди, смена!

Быстро поднимаюсь на вентиляционный штрек. Луч фонаря выхватывает из темноты спящего на затылке человека. Узнаю Федюшку Харина. Пришел он в шахту раньше меня почти на год. Такой толстый, трусливый, лодырь из лодырей. Подфутболил я его левой под зад, и он свалился в грязную лужу.

— Ты чего, гад, дрыхнешь? Вчера на танцах в горсаду был, Елену приглашал, и как она с тобой, оболтусом, еще танцевала! Ты, гаденыш, лаву завалишь. Почему лес не спускаешь? А вдруг завал, людей погубишь! Да из-за таких, как ты, сколько уже случаев было!..

Федюшка вскакивает, таращит глаза.

— Без тебя, парень, знаю, что делать... А Елена... Видел я, как она тебя бортанула. Нужен ты ей, сопляк...

Я размахнулся и влепил ему по морде. А тут звеньевой Аброськин подскочил.

— Федя, что ты тут делаешь, хрен ты собачий. Лаву крепить надо, а ты лес не спускаешь. Вдвоем давайте, быстро. А после смены мы с тобой, Федя, разберемся, — пригрозил Аброськин.

Бросаю на конвейер тяжелые бревна, и они уезжают вниз.

Харин кричит:

— Будет, пацан, будет. Валяй на свое место, я без тебя тут...

— Иди ты, — огрызнулся я, — еще по морде получишь. Аброськин сказал, чтобы я тут тебе помогал, и заткнись. Не мешай... Опять заснешь... Да ты Елене и на дух не нужен.

— И пошутить нельзя, — запыхтел Харин, — давай, вкалывай, если хочешь.

Умаялся я в ту смену вусмерть. Иду в мойку и вспоминаю, как мне Елена говорила:

— Не обижайся, Толян. Знаю, что ты хороший парень, честный. Мне Федя много о тебе рассказывал. Просто я не хочу встречаться с шахтерами. Муж мой в шахте погиб, будь она неладна. Осталась я с малолетним сыном.

...Идем гуськом к стволу. В лицо бьет струя воздуха. Аброськин говорит: «Что-то тебя, Толя, в последнее время в общаге не видно. Ты у нас

больше года работаешь, а так ни с кем и не подружился. Приходи-ка в мою комнату, в шахматы сыграем. Слышал я, что ты в этом деле мастак...» Соглашаюсь с Аброськиным, что я не очень-то общительный. Не хочется говорить, что мотаюсь между шахтой, общагой и родительским домом.

...Мы прожили с Еленой более тридцати лет. Дети выросли, поразлетелись по разным краям. Все эти годы я шел своей дорогой, и моя первая лаву была моей путеводной звездой.

Эти воспоминания я написал в день национального траура по погибшим горнякам на шахте «Зыряновская». Там я работал и жил в общаге, там получил путевку в жизнь. И мы с Еленой склоняем головы перед памятью погибших.

ПРИЗНАЛИ

30

Сдан последний экзамен. В общежитии шумно. В одной из комнат целый склад чемоданов и рюкзаков. Главная тема бескончаемых разговоров — предстоящий отъезд на преддипломную практику. Что готовит нам день грядущий? Нам, учащимся Кемеровского индустриального техникума.

Вот и Новокузнецк. Наше первое пристанище — городской сад. Здесь мы долго и нетерпеливо ждем сопровождающего, который уехал в трест «Куйбышевуголь». Наконец он появляется и после минуты интригующего молчания объявляет:

— На «Зыряновскую» — все пятнадцать человек.

Распоряжение главного инженера шахты: все ребята на один участок в одну лаву по пять человек в смену. Мы прошли инструктаж, получили спецодежду и инструмент. И тут к нам проявляет интерес нормировщик участка — маленький лысоватый человек Бронштейн. Он приглашает нас к себе. Заходим в большую комнату, выстраиваемся несокрушимой стеной. Мы все были в форме: в черных суконных кителях, брюках. Металлические пуговицы на кителях блестели, как серебро. Бронштейн, осмотрев нас, дает первый залп:

— Это что же, в забой и все по пятому разряду? Выходит, кадровые шахтеры будут вас обрабатывать? А сколько денег вы у них отнимете? Да они же не согласятся, такой шум поднимут, тошно всем будет! И меня вашей выго-

нят отсюда разряду...

На него бимец Кеш... Поднял пер... вот-вот швы...

— По т... чит..Ха-ха!..

— Ха-ха... тейн зажал...

— Да пр... два года в п...

Без такого нимаешь, ч...

того разряд...

— Ладно... тоже когда...

книжки, вы...

— Мы н... четвертый...

Звонит т... но по лицу...

понравился...

— Главн... Черт с вами!

Я предло...

— Надо... в мойку; я...

Дружно... разделись,...

робщице. Н...

ли, что на...

Заходим в...

щина-убор...

смены, уви...

Подошла к...

— Ага, л...

Что к че...

«Тьфу!», и...

Первая п...

В раскоман...

роськин воз...

— Нам н...

ся с ними н...

нят отсюда. Нет-нет, оформляю по третьему разряду...

На него грозно надвигается наш общий любимец Кеша: рост сто девяносто, баскетболист. Поднял перед собой руки, будто держит мяч и вот-вот швырнет его.

— По третьему, говорите, учениками, значит..Ха-ха!..

— Ха-ха!.. — прокричали мы дружно. Бронштейн зажал уши, втянул голову в плечи.

— Да прежде чем поступить в техникум, я два года в шахте горбатился, стаж зарабатывал. Без такого стажа никого и не принимали, понимаешь, чернильная твоя душа! Забойщик пятого разряда — вот книжка...

— Ладно, ребята, не будем ссориться. Я ведь тоже когда-то студентом был. У кого есть такие книжки, выкладывайте. А у кого нет...

— Мы не новички в горном деле, все-таки четвертый курс, — сказал я.

Звонит телефон. Разговор короткий, но — видно по лицу нормировщика — не очень он ему понравился. Положив трубку, сердито ворчит:

— Главный приказал, а я — умываю руки. Черт с вами, оформляю всех по пятому...

Я предложил ребятам:

— Надо бы обмыть дорожную пыль. Идемте в мойку; я знаю, где тут она.

Дружно пошли мыться. Зашли в раздевалку, разделись, подали одежду улыбающейся гардеробщице. На шахте, оказывается, уже все знали, что на практику студенты КИПа приехали. Заходим в моечное отделение. Моложавая женщина-уборщица готовит мойку для очередной смены, увидела нас, нисколько не смутилась. Подошла ко мне, сказала:

— Ага, попался...

Что к чему, я так и не понял, только сказал: «Тьфу!», и зашел в кабину.

Первая пятерка пошла на смену. Раннее утро. В раскомандировке толчея. Наш бригадир Аброськин возмущается:

— Нам нахлебники не нужны, да и нянчиться с ними нет времени: обучать, рассусоливать, мать их так-рассяк, свалились на нашу голову. Тут не интернат, а шахта, запнется кто-нибудь, морду расквасит, а я — отвечай... Да и своих дармоедов девать некуда, так из Кемерово еще подбросили.

— Ладно, Аброськин, чего расшумелся? Ребята, гляди, крепкие, взрослые. Многие в шахте поработали, — урезонил его начальник участка, — наша смена, а ты, друг, даже не хочешь понять это. А еще бригадир...

Нам было неловко и обидно, что нас не признавали, обозвали нахлебниками. Аброськин, постаревший, погрузневший, повернулся к нашей товарищу Валину — единственный среди нас молодой, шахту еще и в глаза не видел. Как он попал в наш техникум, никто не знал.

— Как твоя фамилия? Валин, значит... Так вот что, сибирский валенок, ты чего на планерке книгу читаешь, кот ученый, видали мы таких. Будешь «брат» нишу...

Валин закрыл книгу, выпучил глаза. Он понятия не имел, как ее «брат».

— А какую нишу, — спросил я, — верхнюю или нижнюю?

— Обе, — повысил голос Аброськин, — умник нашелся. Но меня не проведешь, вижу я, что сибирский валенок еще салага. Ты будешь «брат» ниши, и смотри у меня. — Он вперил в мою сторону взгляд, и что-то шевельнулось в его лице. — Толян, черт тебя побрал, еле узнал тебя в этой форме, ну и ну... — Он подошел ко мне, я встал с места, и мы обнялись. — Это же наш парень, работал у меня в звене, ну надо же...

Все зашумели, заулыбались. Кто-то действительно узнал меня. Обстановка резко поменялась, и мы дружно пошли в мойку переодеваться.

Приступаю к делу. Хорошо, что предыдущая смена отпалила обе ниши. Нам с Валиным надо отгрузить уголь, закрепить бока и кровлю. А потом уж дело техники — в ниши вся бригада толкнет хвостовую и головную части конвейера, перекинет рештаки и цепи на новую дорожку. Пустоты... От них мы на всю длину лавы отгородимся бревнами. Вот и вся премудрость. А стойки, конечно, будет ставить вся бригада.

Пришел Аброськин, оглядел крепление. Ниши были чисты, просторны. Он хлопнул меня по плечу: «Молодец, Толян, моя школа. А этот салага употел. Учи его, гоняй как следует. Может, выйдет из него прок. Но, думаю, случайный он человек в нашем деле».

Без ЧП все-таки не обошлось. В ночную смену это произошло. Валина бригадир послал на

вентиляционный штрек перебрасывать бревна с конвейера на конвейер в лаву. Самая простая работа, помнится, ее постоянно выполнял Федюшка Харин. Сила, как говорится, есть, ума не надо. Валин и посылал нам бревна, а мы их снимали с рештаков и устанавливали под кровлю. А тут как назло стал отключаться двигатель конвейера, что-то не ладилось с пускателем. Работа шла плохо. Аброськин матерился: не любил он, когда что-то мешает делу, выбивает из колеи.

И тут раздался вопль. Мы бросились наверх. Сгрудились у хвостовика. Рядом лежал Валин. Его руку затянуло под цепи. Что делать? В любую минуту мог включиться пускатель конвейера и тогда от Валина останется измолоченный кусок мяса. Машинист комбайна ножом отрезал рукав куртки. Руку Валина размолотило по самый локоть. Из раны хлестала кровь. Аброськин, этот бывалый шахтер, стоял и не знал, что делать, челюсть его дрожала. А рука-то держалась на сухожилиях. Я взял топор да и отхватил Валину руку по локоть. Вытащили мы его, а он в шоке. Перетянули руку, а тут и санитары-спасатели подоспели.

Со всеми забойщиками в бригаде у нас завязалась крепкая дружба. Работали мы здорово. О ЧП вспоминали редко. А ко мне все стали относиться с уважением: как же, спас Валину жизнь.

Как-то к нам в общагу пришел Аброськин. Это был воскресный день. Собрал он нас, сел за стол поудобнее, расчесал седые волосы, начал:

— Ребята, молодцы вы... Честное слово, мне иной раз стыдно за то, как я вас «полоскал»... Дружные вы, житейские, крепкие. Словом, настоящие мужики.

— Ближе к делу, Иван Петрович, — сказал я.

— Вот я и хочу предложить вам создать свою студенческую бригаду. И бригадир у вас есть, — он кивнул на меня, — моя школа. И с начальством я договорюсь. Ну, как?.. Кто — за?.. Мы все дружно проголосовали. Вот оно, пришло ПРИЗНАНИЕ.

Вскоре, получив диплом, я приехал на эту шахту и стал работать горным мастером, да на том же самом участке. Мы с Аброськиным стали закадычными друзьями. О знаменитой студенческой бригаде постепенно все забыли. Мы работали хорошо, даже поставили рекорд суточ-

ной добычи. Но я-то не забыл и надеюсь, что когда-нибудь молодое поколение пройдет по нашему пути. Или найдет свой...

Более тридцати лет назад я приехал из Новокузнецка в Кемерово учиться. Поступил в индустриальный техникум. В нашей группе собрались сибиряки, уральцы, дальневосточники, белорусы и украинцы...

Учились мы на Новой Колонии, питались в столовой «Азота». Трехэтажное кирпичное здание находилось неподалеку, деревянные двухэтажные общежития рядом. Помню, меня поразили грязь, пыль и газ, и этот унылый деревянный город.

Четыре года мы учились, жили дружно. К нам на танцы приходили девушки со всего города. Многие поженились на кемеровчанках. О жизни и учебе в техникуме можно было бы многое рассказать. Большинство учеников техникума остались в Кемерове, но многие и уехали, разлетелись по разным городам СССР.

Виктор Моисеев, с которым мы учились в одной группе и жили в одной комнате, стал журналистом, более двадцати лет проработал в газете «Кузбасс». Виктор Козько, начав писать еще в техникуме, вырос в заметного писателя, и последние годы жил в Минске. Помню, мы часто его ругали за то, что он по всем ночам писал при свете лампы и не давал нам спать.

Честь техникума и города, да и всего Кузбасса защищали такие спортсмены, как чемпион мира по греко-римской борьбе, заслуженный мастер спорта новокузнецанин Валентин Оленник, мастера спорта киселевцы Вениамин Волков и Александр Денисов, кемеровчанин Иван Внуков и автор этих строк, перворазрядники-борцы читинец Ворсин, кемеровчане Караганов и Пономарев.

Большую славу техникуму и городу принесли чемпион СССР по боксу Роберт Сиротин, член сборной команды страны в беге на сто метров Александр Архипов. Да всех и не перечислишь. Мне думается, что само руководство техникума, ныне колледжа, не знает или давно забыло, кто у них учился. Ныне ученики техникума, многие из них, стали учителями, инженерами, руководителями предприятий. К сожалению, некоторые ушли из жизни. Не буду перечислять их имена, для меня они все живы и воплощаются в моих рассказах и повестях.

СЛУ

Завалило
ная» раздал
одернул пон
шел, прихра
— Мирон
дернулось в
резво проко
крикнул:

— Прохо
бирать завал
пошел по дл
Комнаты тот
панье парн

— Чево т
Комендан
гонько двину
нул с Ник
недавно пост
нуло винным
нату, увидел
бутылки, ок
луковицы, в

— Пил, з
— За свои
— Ладно,

быстро к Гри
на втором па

Что-то др
глазами поте
ся к выходу,
давно не мы

Усадьба
Приземисты
вых березах
ними по бугр
полями черн
вый бор.

Наступил
лая; по утр
сырости. Рос
Кондоме, в
утонул по г
ко припал к

Не слыш
усадьбе. Бли
чернеть. Ноч
лым дням ли

СЛУЧАЙ НА ШАХТЕ «ЮЖНАЯ»

Завалило штрек. В общежитии шахты «Южная» раздался телефонный звонок. Комендант одернул поношенный офицерский китель, подошел, прихрамывая, к столу и поднял трубку.

— Миронов слушает. Так... — его лицо перевернулось в нервном тике. Он положил трубку, резво проковылял к двери и, распахнув ее, крикнул:

— Проходчики! В шахте авария. Быстро разбирать завал... — Затем вернулся, взял трость и пошел по длинному коридору, стуча ею в двери. Комнаты тотчас открывались, выглядывали заспанные парни, спрашивали у бегущих:

— Чево там?.. Завал?.. Где?.. Так это не у нас...

Комендант подошел к последней комнате, легонько двинул плечом дверь и на пороге столкнулся с Николаем, высоким худощавым парнем, недавно поступившим на шахту. От Николая пахло винным перегаром. Миронов заглянул в комнату, увидел смятую постель и на столе пустые бутылки, окурки, хлебные корки, обгрызанные луковички, испорченные консервные банки.

— Пил, значит...

— За свои... — выдохнул Николай. — Чего тебе?

— Ладно, — комендант посторонился. — Дуй быстро к Григорию Никитичу. Скажешь — завал на втором параллельном. Ребят вызволять надо...

Что-то дрогнуло в лице Николая. Мешки под глазами потемнели. Он потер виски и направился к выходу, оставляя за собой ошметки грязи с давно не мытых сапог.

Усадьба Григория Никитича стояла на горе. Приземистый дом-пятистенник прятался в корявых березах. Выше дома тянулись постройки. За ними по бугру начинались колхозные поля, а за полями черной бороздой стоял высокий сосновый бор.

Наступила осень. Сирень в садах стояла голая; по утрам вздрагивала, зябла от холода, сырости. Роса мочила черемуху. Камыш на реке Кондоме, в которой на днях Николай чуть не утонул по пьянке, состарился, потемнел, низко припал к воде.

Не слышно птиц, только ворона летает по усадьбе. Ближние пашни с полыннымиком начали чернеть. Ночи стояли темные, без звезд. По целым дням лил дождь: тихий, без грома, без мол-

ний. В бору падали сосновые шишки. Кружились желтые тополиные листья, засыпая дорогу с колеями и выбоинами, по которой и шел Николай к усадьбе.

Он подошел к высокому крыльцу и подумал: «Крепко живет Краюхин». Постучал.

— Кто? — послышался глухой, как из под-земелья, голос Григория Никитича.

— Свои... Николай...

Звякнула задвижка, тягуче проскрипел засов. Дверь приоткрылась. Григорий Никитич в белой рубашке, босой, чуть ли не подперев плечами косяки, уставился на Николая.

— Чево там?.. — недовольно буркнул он, и на его продолговатом, с массивным подбородком лице заиграли крупные желваки.

— Вот, язви те, — сказал Григорий Никитич, выслушав Николая. — Двигай, а я тя догоню...

Дверь бесшумно закрылась. Николай снова прошел двор — широкий и чистый, и только хлопнул калиткой, как за спиной послышалось: «Обожди». Его догонял Григорий Никитич, одетый в чистую брезентовую робу, из-под которой выглядывало нижнее белье.

— Старуха боится пущать чужих, не обес-судь. Кержачка она у меня, — заговорил Григорий Никитич, легонько тронув Николая за локоть. — Миронов послал, говоришь? С ним, паря, мы пуд соли съели. Выпивох больно не любит... Ты тоже, гляжу, ничего парень, крепкий. Иди ко мне в напарники. Моего вчерась звеньевым поставили...

Николай пожал плечами и даже сплюнул от досады: вот, мол, привязался. Он всю дорогу шел и смотрел себе под ноги, будто боясь оступиться, отчего выглядел сутулым, нахохлившимся. Григорий Никитич замолчал. Так молчком и дошли до бытового комбината, двухэтажного, недавно построенного на месте деревянного, простоявшего без малого тридцать лет. Они поднялись на второй этаж, вошли в длинное узкое помещение, называемое «грязной раздевалкой». В нос ударило прелым, на зубах хрустнула угольная пыль, которая тучей висела в воздухе, лежала на подоконниках, на кафельном полу и скамейках, поставленных вдоль стен.

На скамейках сидели полураздетые и голые шахтеры, черные, с разрисованными углем спи-

нами. Они старательно трясли куртки, брюки, портянки. Вязали все в узлы, совали их в окна напротив чумазым гардеробщицам и, получив бирки, спешили в мойку.

Григорий Никитич и Николай прошли «грязную раздевалку» и оказались в чистой половине.

— Давай, шевелись, — проговорил Григорий Никитич, глядя из-под мохнатых бровей на суетившегося Николая. — Переодевайся и двигай к стволу. Я принесу туда твой аккумулятор...

...Клеть опустила их на третий горизонт. Здесь, в околоствольном дворе, было светло, как в метро. Они оседлали маленький горбатенький электровозик, который быстро помчал их по подземным коридорам.

Вот и завал. Здесь уже вся бригада. По ту сторону завала — люди.

— Шевелись, шевелись, братва, — отваливая куски угля, выкрикивает Григорий Никитич. — Кати вагонетки под мелкоту... а, язви те, живо, живо...

Уголь сыпал и сыпал. Нагрузили вагонеток двадцать, да что толку! Завал каким был, таким и остался. Время идет. По ту сторону газа метана уже выше нормы стало.

— Рельсов бы сюда побольше и бревна в полтора обхвата, — хрипло говорит Григорий Никитич главному инженеру, который тут же схватил трубку и стал истошно кричать в нее.

Привезли рельсы и бревна, окованные железом. Выбрали потолще и подвесили за верхняя цепью.

— Р-раз, еще р-раз, — командует Григорий Никитич, — с силой ударяя бревном-тараном по рельсу, который медленно идет под самую кровлю. За первым забивают второй, третий — сплошняком. Перекрыли кумпол, а уж завал после этого было разобрать и закрепить — плечевое дело.

В небольшое отверстие, пробитое в завале, проходчики сунули прорезиненную вентиляционную трубу, что вздутым калачом висела на скобах под кровлей. Свежий воздух устремился в завал, выгоняя метан, угольную пыль. Из дыры показался первый проходчик. Его подхватили, выволокли: здоров, смеется, ни царапинки. Вылез еще один и еще...

Николай стоял в сторонке и равнодушно смотрел,

как радуются шахтеры. Ему стало казаться, что весь этот шум так себе — забава. Ну посидели часок-другой в завале, вот страху-то! Будто им впервой попадать туда... Он даже отвернулся и сплюнул по обыкновению, когда четвертый проходчик, маленький и щупленький, обхватил рослого Григорий Никитича чуть выше поясицы и все подпрыгивал, пытаясь поцеловать спасителя своего в щеку. Григорий Никитич, слегка отстраняясь, басил: «Да ладно те, ладно...».

Спасенные шахтеры, окруженные шахтовым начальством, пошли к стволу. И тут оставшиеся проходчики повернулись к Николаю. Одни смотрели на него с нескрываемым любопытством, другие — зло и отчужденно. От этих взглядов ему почему-то стало не по себе. Непонятная щемящая тоска овладела им, и он почувствовал себя жалким и одиноким...

34

Проходчики гурьбой двинулись по штреку, пронизывая тьму яркими аварийными светильниками.

Где Николай родился, где рос, что видел? Одни лысые горы да кустарники в лощинах. Заводские трубы, день и ночь выбрасывающие пепел и сажу. Это не юг, не степь, где пасутся стада, где едешь по селу, удивляясь белизне изб, их чистоте, цветущим фруктовым садам.

И вот растет он, познавая мир и жизнь, в этом строящемся городе с огромным заводом, в этом крае, где зимой стоят морозы лютые, а лето бывает жаркое и знойное.

Помнит Николай, как солнце пекло нещадно траву, воздух тяжелел, облака сходились все медленнее и теснее и наконец стали подергиваться острым блеском молний. Где-то в высоте прогромыхало, потом загремело... и мать прикрывала его чем-то тяжелым и теплым — и это теплое и тяжелое сползало с него, когда телегу забрасывало на ухабах. Разве можно забыть это первое путешествие! Ехали они целую вечность. Полям, лощинам, проселкам и перекресткам не было конца. И вот река — деревянный мост, за мостом — деревня. Из первого дома выбегает дяденька, машет руками, бежит к телеге и вот уже подхватывает Николая на руки, щекочет усами, несет его в дом...

Эта поездка, впервые раскрывшая ему радо-

сти земночужденье.

ред ним о поля, их д видит себя ми, как о стым ком как будто руг него л ле завтра к отцу, к ми, и он с

Дальне детстве об когда при вдвоем с ленького. что они о ли. И по каждый р на фронте

— Ты к нему в ти, — гов тал тебя смеялась ему: не со заводе, ко лучили. Н

Эх, ма так ведь на завод оставалас Фросе, чт Николай с жал на ры

Рынок жеством м давали во нул к себе

Никола реди. Люб бовался с ницы бра. карманы д хлопнув с прочь: «Б

ало казать-
забава. Ну
страху-то!
н даже от-
когда чет-
упленький,
чуть выше
сь поцело-
рий Ники-
ладно те,

шахтовым
оставшиеся
Одни смот-
пытством,
х взглядов
епонятная
чувствовал
по штреку,
и светиль-

нто видел?
щинах. За-
сывающие
де пасутся
сь белизне
им садам.
и жизнь, в
заводом, в
лютые, а

ло нещад-
дились все
и подерги-
о в высоте
ть прикры-
и — и это
гда телегу
забыть это
о вечность.
ресткам не
ий мост, за
бегает дя-
неге и вот
, щекочет
ему радо-

сти земного бытия, дала еще одно глубокое впечатление. Он испытал его на обратном пути. Перед ним опять открылся вдали знакомый мир — поля, их деревенская простота и свобода. То он видит себя в доме с причудливыми наличниками, как он поднимается по утрам, ходит по пустым комнатам. То он за усадьбой, в поле. День как будто все тот же — только тут жарче. Вокруг него поля, поля, березовые колки... То после завтрака мчится он на кошевке, прижимаясь к отцу, который беспрестанно щекочет его усами, и он смеется радостно и весело.

Дальнейшие воспоминания Николая о своем детстве обыденны и точны. Он помнит тот день, когда пришла почтальонша тетя Фрося и как они вдвоем с матерью плакали и обнимали его, маленького. И уже значительно позже он узнал, что они о его погибшем на фронте отце плакали. И понял тогда, как это тягостно и больно каждый раз думать и говорить: «Мой отец погиб на фронте...».

— Ты помнишь, Коля, отца-то? Как ездили к нему в деревню, что в Новосибирской области, — говорила мать, всхлипывая. — Как щекотал тебя усищами, а как на руках носил? — смеялась и плакала она... — Уж как я говорила ему: не соглашайся председателем. Здесь-то, на заводе, когда началась война, многие броню получили. Не послушал ведь.

Эх, мама, мама... Плакалась, убивалась... И так ведь нелегко тебе было: уходила чуть свет на завод и приходила поздно вечером. Иногда оставалась на ночь, и тогда он шел спать к тете Фросе, что жила в соседнем подъезде. А утром Николай съедал кусок хлеба с картошкой и бежал на рынок, где проводил долгие летние дни...

Рынок был рядом с домом. Огромный, со множеством магазинов, навесов, толкучкой, где продавали всякую дребедень, он, как магнит, тянул к себе пацанов.

Николай подолгу глазел на галдежные очереди. Любил бродить по колхозному ряду, любовался сытыми лошадьми, потихоньку от возницы брал из стойла пригоршни овса и набивал карманы до тех пор, пока мордастая баба с воза, хлопнув себя по толстым ляжкам, не гнала его прочь: «Брысь отсюда, пострел!..» Тогда он шел к

доброму дяде Кузе, который торговал медом.

Здесь всегда дежурила стайка ребят. Обступив воз с бочкой, они пальцами снимали с нее тонкие ручейки, а наиболее смелые и предприимчивые, к каким принадлежал и Николай, лизали бочку языком, отчего она к вечеру становилась будто полированной.

Когда дяди Кузи не было, Николай шел на толкучку. Больше никогда в жизни он не видел таких толкучек, и дай-то бог, чтобы это никогда не повторялось.

Здесь каждый был занят своим.

— Кому тошнотиков, кому тошнотиков? — гнусавила худая тетка, держа перед собой тарелку с картофельными лепешками. Чинно стояли взрослые ребята и, сплевывая через губу, покрикивали:

35 — Кому «Дели» надоели, закурите «Беломор»! На рубль — две, на рубль — две...

Привалившись к ларьку и поджав колени к подбородку, пьяный парень хныкал:

— Мы любим спорт, но только папиросы... Мы любим сорок градусов, но только не морозы...

Продавцы крепкого самосада, семечек, пайков хлеба, самодельных конфет кричали до хрипоты, предлагая свой товар. Стоял шум и гвалт. И вдруг из этого разноголосья вырвался вопль:

— Налетели, расхватили, не беру-ут!

В ответ ухала многосотенная толпа. Мужчины и женщины, молодые и старые, размахивали платьями, брюками, пиджаками и отрезами. Перекидывали с руки на руку нижнее белье фээзушники, и вся эта пестрая толпа походила на разворошенный муравейник.

В жаркие дни и Николаю кое-что перепадало. Он по примеру старших таскал воду в бидонах и ведрах, кричал:

— За двадцатник напиться, за двадцатник напиться!.. Холодная вода-а...

Так и проходили летние дни далекого военного детства. Вечером, бывало, Николай, до отвала наевшись картошки, которую мать варила в чугуне, привезенном из деревни, ложился спать.

...А потом мать умерла. Это случилось декабрьским морозным утром. Простудилась на работе, пришла домой — тихая, уставшая, легла в постель и больше не поднялась.

Николай, уже школьник, шел, плача, за гробом, уцепившись за тетю Фросю, единственного оставшегося ему близкого человека. И она, одинокая, переносившая не одну сотню похоронных, высохшая и рано поседевшая от горя людского, взяла Николая к себе.

Не забыть Николаю тихой и милой Марины. Он до сих пор видит и чувствует эти серые октябрьские вечера в Абашевске, куда случайно занесла его нелегкая, — скучные улицы с деревянными тротуарами и с черным городским садом. Опустошенный, внутренне сжавшийся, он искал ее, блуждая почему-то по этим садам и паркам с голыми тополями...

Каждый раз возвращаться домой и видеть растущую гору пустых бутылок было невыносимо. Спасти от всего этого можно было только с Мариной, но она уехала, не оставив даже записки...

Наедине старался он проследить причины их разрыва. Разбирался в самом себе. Да, резкое слово с ее стороны, иногда невниманье, душевная нечувствительность — и вот растет обида, и с языка срываются злые хлесткие слова.

Он требовал уступок, покорности. Но относился ли сам с должным вниманием к Марине — чуткой и восприимчивой, мотавшейся с ним по городам и весям в поисках счастья?

Марина убеждала его, уговаривала: — Не надо пить, Николай. Денег вон не хватает, и мне уж стыдно занимать их у соседей. С этими переездами я осталась в одном платье...

— Бросай детский сад к черту. Или по две смены работай, — кричал подвыпивший Николай. — Ты же знаешь: не везет мне. С мастером все не ладим. Станину три смены шабрил. Мозоли натер — во! И на сколько, ты думаешь, он мне наряд закрыл? Ть-фу! Брак, говорит. Это у меня-то брак?!

— Не выпивал бы, так и брака не было, — тихо говорила Марина.

— Заладила... бы да бы. Пью-то самую малость. Мог бы и обойтись вовсе, ну и что? Думаешь, он бы мне наряд хорошо закрыл? Дудки!.. Станина-то первым сортом пошла: никто не заметил брака. А он... Не любит он меня. Вот Семен Семеныч в этом деле толк имел...

— Твой Семен Семеныч мошенник. Чему хорошему научил тебя?

— Он хоть понимал нас, рабочих, — вспыхивал Николай, — конечно, перегибал иногда... — И Николай вспоминал своего первого мастера с теплотой в сердце.

Когда это было? Кажется, прошла целая вечность. Он, тогда выпускник ремесленного училища, был направлен в крановую службу железнодорожного цеха металлургического комбината, где когда-то работал его отец начальником смены. Семен Семеныч, высокий худой очкарик, встретил Николая приветливо. Он хорошо знал его отца, потому как мастерил здесь с незапамятных времен.

Николая определили в группу ремонтников. Работу он выполнял несложную. Помогал шабрить подшипники, клепал ленты, выбивал кувалдой бронзовые втулки — и делал это мастерски, потому что хотя и вырос на картошке, обладал силой отменной.

— В отца удался, — говорил Семен Семеныч...

Потом была первая зарплата. «Прописывали» его в пельменной. Их, шестерых, обслуживал сам заведующий, хорошо знавший Семена Семеныча. Пили водку, пиво. Николай, чтоб казаться взрослым и самостоятельным, пил наравне со всеми, и Семен Семеныч, захмелев, хлопал его по плечу, говорил:

— Ты, Николай, настоящий парень. Держись за старого мастера — не пропадешь...

За ужин расплатился Николай: «прописывали»-то его. Остальные, прощаясь, незаметно совали Семену Семеновичу деньги.

— С тебя будя, — поймал руку Николая мастер и засеменил к трамвайной остановке.

Раз в месяц, после получки, собирались они в пельменной. Пили, рассказывали смешные истории и всегда, прощаясь, совали Семену Семеновичу деньги.

...А потом он был свидетелем. Осудили все-таки мастера и его товарищей за приписки и взятки.

— Николай не виноват. Молодой он, — сказал на суде Семен Семеныч, и, когда его уводили конвоиры, тетя Фрося крикнула:

— Ирод проклятый! Чуть не загубил парнишку...

Пришел батывать со...

но, а придет

В Абаше

чили кварти

монтника, о

садике на п

он... Вновь н

приятности

ло в другой

тят, а Мари

Городок

дил иногда

весенних и

Мариной от

в глазах. По

и вот тепер

Написат

возможно,

нуть ему М

И когда

счастье, ко

всегда, он

«Южная».

Работал

гие позави

Никитич в

Николай н

Отлади

ку, присло

нием руки

и сразу ж

машину, в

щих древе

кара и наз

Рядом

достал зав

нув его Н

— Заку

волочь пер

сделать.

Никола

ставил себ

колбасой.

Сколько р

не мог. Ко

мается... Он устраивался поудобнее и в мечтах уходил в свой мир, куда постороннему вход был закрыт наглухо.

...Григорий Никитич привык есть в шахте еще со времен Отечественной войны. Частенько тогда по две смены вкалывал. На фронт Григорий Никитич не попал. Чего греха таить, жена была рада, что его не взяли. Она тогда второго сына родила, а первый только под стол пешком ходил. Кто знает, вернулся бы ее мужик домой живым и здоровым или нет...

Работать Григорию Никитичу приходилось много. Но зарабатывал хорошо. В доме всегда был достаток, а потому и покой. Хозяйство держал немалое — скотину и птицу разную, картошки по осени накапывал ведер по восемьсот. Если оставалась картошка — вез на базар, ведро которой по тогдашним ценам стоило ровно четыреста рублей.

Чего-чего, а работать Григорий Никитич умел. Силушкой его природа не обидела. Бывало, вагонетку порожнюю, чтобы не гнать до разминки, с одного пути на другой перетаскивал. Любил он один в забое работать. И забурит, и отпалит, отгрузит и крепь поставит. По две-три нормы давал. С годами силенок поубавилось. Стал он с напарником ходить, но кого попало не брал, выбирал работающих. Попасть к нему считалось большой удачей: и работать научит, и в ведомости не было стыдно расписываться.

Нынче Григорий Никитич с Николаем трудился. Понравился ему парень. Не ленился и силенка есть. На младшего его сына чем-то смахивает. Широкий в кости, высок и строен. Но на этом, правда, сходство кончается. Сын у него характера мягкого и покладистого. Рос тихим и послушным. Учился хорошо, с медалью школу кончил и выбрал себе профессию мирную — учителем литературы после института работает.

Старший сын — совсем другого склада. Среднего росточка, худощавенький, с лицом, как у матери, белым и красивым. Его всегда считали младшим... Учился он хорошо, но особой тяги к наукам не проявлял. После школы уехал в танковое училище, поступил, окончил и вот теперь служит... Нет-нет, да и защемит сердце у Григория Никитича — двух сыновей вырастил, а ни

Пришел новый мастер, и стал Николай зарабатывать совсем мало. Вроде работает старательно, а придет получать зарплату — кот наплакал.

В Абашевске они устроились неплохо. Получили квартиру. И в мастерской его, слесаря-ремонтника, оценили. И Марину работа в детском садике на полторы ставки вполне устраивала. А он... Вновь начал выпивать, и с того начались неприятности на работе, и опять Николая потянуло в другой город, где лучше, где больше платят, а Марина больше не решилась ехать с ним...

Городок без нее казался пустым. Николай ходил иногда на дамбу, защищавшую жителей от весенних и летних разливов Томи. Здесь они с Мариной отдыхали, загорали и купались до ряби в глазах. Потом они стали ходить сюда все реже, и вот теперь он ходит один...

Написать бы старенькой тете Фросе, и она, возможно, нашла бы способ помирить их, вернуть ему Марину. Но не писал, злился и пил...

И когда понял, что прошлого не вернуть, что счастье, которое он искал, ушло от него навсегда, он собрал чемодан и уехал на шахту «Южная».

Работал Николай хорошо, не ленился. Многие позавидовали и удивились, когда Григорий Никитич взял Николая в напарники. Только сам Николай не придавал этому никакого значения.

Отладили забой. Николай, присев на затычку, прислонился к борту штрека. Вялым движением руки поправил сбившуюся с головы каску, и сразу же луч фонаря осветил погрузочную машину, вагонетку. Со стоек, приятно пахнущих древесной смолой, поднялась мелкая мошкара и назойливо закружилась перед глазами.

Рядом присел Григорий Никитич. Неспешно достал завтрак, завернутый в газету и, придвинув его Николаю, пробасил:

— Закуси малость, а то к концу смены ноги волоочь перестанешь. Нам еще ой-ей сколько надо сделать.

Николай махнул рукой, закрыл глаза и представил себе, как Григорий Никитич жует хлеб с колбасой, запивает из фляжки газировкой. Сколько раз Николай пытался есть в шахте — не мог. Когда устанешь, как черт, о еде не ду-

один не живет с ним, никому не сумел, видеть, привить любовь к своей профессии.

Не потому ли Григорий Никитич стал напарников брать. Дело к пенсии идет, опыта он накопил за двадцать пять лет работы в забоях немало, опыт этот подчас на него самого давит тяжело... И стал он учить молодых шахтеров нелегкому проходческому делу. Нет на шахте бригадира, который бы не стажировался у него.

...Григорий Никитич жует, искоса посматривает на Николая. За последнее время парень заметно осунулся. На усталом его лице резко обозначились скулы... Опять ночь прошармачил. Григорий Никитич как-то сказал ему, чтобы перестал пить: водка до добра не доведет...

— Не твое дело, не суйся, — ответил Николай с такой злостью, что Григорий Никитич поперхнулся.

...Николай открывает глаза. Видит тень на борту штрека, сгорбившуюся фигуру Григория Никитича. Тень шевельнулась, запрокинула голову. Забулькало. Николай лизнул сухие губы. Хотелось пить. Сколько раз он пытался экономить воду, прятал фляжку подальше от глаз, не помогало. Отбрасывал лопату, подходил к укромному месту, доставал фляжку и, как бывало поллитровку, выпивал всю до дна.

— Невмоготу, Николай? — спросит только Григорий Никитич и беспокойно пошарит глазами: не валяется ли и его фляжка порожней.

Григорий Никитич оторвался наконец от фляжки, тряхнул ее, протянул Николаю.

— Накось, допей...

Николай взял фляжку, повертел в руке. Легкая, алюминиевая. Таких сейчас днем с огнем не сыщешь. А уж как бережет ее Никитич. Спрячет так, что сам еле отыщет. Пропустит Николай вперед, вроде штанину в сапог заправить хочет, подождет, пока тот не уйдет подальше, и сунет фляжку под верхняк... Нет, не любил Николай Григория Никитича за его жадность, ворчливость и наставительный тон. Он считал его нелюдимым, собственником-мироедом, о которых начитался в детстве. Однако Николай уважал Григория Никитича за силу и хватку, за умение «делать» деньги...

Николай швырнул фляжку.

— Пропади все пропадом, — голос у него был грубый, отрывистый. — Не по доброй воле сюда забрался. Что ты, Никитич, находишь в этой работе? Ведь свету белого не видишь. Здоровьишко гроишь... Далась тебе эта шахта. И чего тебе — денег мало? Сыновья-то твои не в тебя пошли. Не дураки, чтобы в шахту спускаться.

— Не шуткуй, паря. О здоровьишке моем не печись, еще крепкое, дай бог тебе такое. И сыновей не трожь — не тебе, шармачу, чета. Вижу, невмоготу стало, ну и проваливай, — сказал Григорий Никитич, что топором отрубил.

— Не о том я, — морщится Николай. — Где оно, счастье, под каким камнем захоронено? Ну отработал ты смену. Пришел домой: сад, огород, скотина... Возишься ты в земле да в навозе, как дождевой червь. Был ли ты в других городах, купался ли в море? Там, Никитич, люди умеют жить. А ты что здесь прозябаешь с тыщами? Деньги, поди, в чулок прячешь, людей сторонись. Старуха боится пущать чужих. Ха-ха, отмочил... Ну-ка скажи, Никитич, сколько тыщ у тебя там в чулке? Мне бы такие деньги...

— Накось, выкуси, — Григорий Никитич показал кукиш. — Давно к тебе приглядываюсь. Накипело. Не перебивай. С год у нас работаешь, по двести-триста получаешь, а что справил себе? Такой парень видный, а ходишь, как оборот, пьянчужка...

— Да, пью, — перед глазами Николая так и маячил кулак с кукишем. — Не понял ты меня или не хочешь? Ну да ладно. Мои руки тебе нужны. У меня разряд четвертый, а у тебя седьмой. Упираюсь, как вол, а зарабатываю в полтора раза меньше. На таких, как я, всю жизнь и проездил. Домище отгрохал, глухим забором от мира отгородился. А у меня отец на фронте погиб, может, от этого все мои несчастья пошли...

Николай рванул ворот рубашки. Григорий Никитич поднялся:

— Язык бы тебе вырвать за такие слова. Телом-то ты здоров, душок у тя... Мытаришься по свету, а чо нашел? Руки у тя что надоть, а вот

башка с при
ть добывае
погиб на фр
ласки не зн
вот взял.

Григорий
рел на Ник

— Не с
счастье по-

— Поче
лай спокой
сейчас и ре
хорошие на

Григори
погрузочно
колай вста
тил кабель
Григорий
шины, а по
боя.

Это был
тич так у
много пор
семь-восе
ботая с ни
тие, сразу
бу, шахту

...Выкат
запнулся
ва. «Все е
грузил, бо
упираясь
вагонетка
давила бы
руки, кол
ным пото

— Отд

— Уст

паря, мы
жрать на
Деньги, п

Никол
Григория
злобы, на
нулась с

башка с придурью. Не той, паря, лопатой счастье добываешь. Миронов сказывал: отец у ты погиб на фронте, мать померла, в людях жил и ласки не знал. Потому и жалею ты, в напарники вот взял.

Григорий Никитич подобрал фляжку. Посмотрел на Николая с укором.

— Не сработаемся мы с тобой, потому как счастье по-разному понимаем.

— Почему не сработаемся? — сказал Николай спокойно. — Решил я на шахте остаться, сейчас и решил. Здесь мне нравится, и девочки хорошие на поселке есть...

Григорий Никитич пожал плечами и пошел к погрузочной машине. Он включил двигатель. Николай встал у борта штрека и привычно подхватил кабель. Вагонетка была быстро нагружена. Григорий Никитич толкнул ее конвейером машины, а подбежавший Николай покати из забоя.

Это была первая вагонетка. Григорий Никитич так умел палить, что в забое всегда было много породы. Вагонеток двенадцать, а не по семь-восемь, как у других. Зато Николай, работая с ним, так уставал, что, придя в общежитие, сразу валился на кровать, проклиная судьбу, шахту, скупердяя Никитича.

...Выкатывая последнюю вагонетку, Николай запнулся о породину, что вывалилась из кузова. «Все ему мало, — подумал Николай, — нагрузил, больше некуда...». Он быстро поднялся, упираясь руками в задний борт, боясь, чтобы вагонетка не пошла назад под уклон и не придавила бы его. Он почувствовал, как дрожат его руки, колени, а тело покрылось липким холодным потом.

— Отдохнем, Никитич...

— Устал? Скажи на милость... Проболтали, паря, мы с тобой много... Устал, значит. Водку жрать надо меньше. Водка-то и выходит боком. Деньги, паря, нелегко даются.

Николай с ненавистью посмотрел в сторону Григория Никитича и, задышав от бессильной злобы, навалился на вагонетку, но она не сдвинулась с места.

— Под колесом породина, убери, — крикнул Григорий Никитич. — Я подержу вагонетку...

Николаю хотелось ответить ему покрепче, чтобы он не перегружал вагонетки, ибо ему всегда приходится запинаться о свалившиеся куски, а потом собирать их, гоняя по штреку порожнюю вагонетку. С трудом сдержался. «Держи, держи. Я таких с десятков выкатил», — подумал Николай.

— А ну сдай назад, — скомандовал он. — Еще... — Он выволок из-под днища породину и понес к борту штрека. Не спеша, вернулся, крикнул: — Толкни, Никитич, на меня...

— Не идет, — слышался хриплый голос Григория Никитича.

«Ага, грузи побольше... как оно там, в моей-то шкуре... — внутренне злорадствовал Николай. — Не сладко небось...» Потом крикнул:

— Сдай на себя, Никитич. Под днищем, видать, еще породина...

Николай наслаждался беспомощностью Никитича. «Водку жрать надо меньше...» — вспомнил он обидное.

Вагонетка медленно пятилась. Он легонько выбрасывал мелкую штыбу, покрикивая:

— Так, так, хорошо, Никитич. Какие куски-то здесь валяются...

Вагонетка вдруг пошла быстрее. И тут послышался страшный крик: «А-а-а!..»

Николай вздрогнул. На миг оцепенел, но затем какая-то сила заставила его стремглав броситься вперед. Между вагонеткой и конвейером машины он увидел старого проходчика. Что есть силы он стал отталкивать вагонетку, почти расплющивая свое плечо о железный борт, и она отъехала.

Григорий Никитич упал. Подложив под заднее колесо затяжку, Николай, сплевывая кровь с прокушенной губы, метнулся к нему. — Потерпи, Никитич, потерпи...

Он взял его под мышки и потащил в нишу.

— Как же тебя угораздило, — губы Николая подергивались, каска съехала набок, из-под нее на серое от пыли лицо спадали русые волосы. Николай суеился, то склонялся над ним, то

выпрямлялся, хлопая себя по коленкам длинными жилистыми руками.

— Не мельтеши, — с трудом выговорил Григорий Никитич. — Позвони.

— Я сейчас, сейчас. Как же теперь?... Ты уж, Никитич...

Но Григорий Никитич, наверное, не слышал, потому и не отвечал. Он лежал тихо, прижав руки к груди. Николай вдруг резко повернулся и побежал, гулко стуча резиновыми сапогами.

Он остановился у клетки, снял трубку с аппарата, висевшего на бетонной стене, прохрипел диспетчеру:

— Краюхина задавило... вагонеткой.

Опустилась клеть. Стволовой открыл дверцы и выпустил группу шахтеров — белолицых, смеющихся. Шла очередная смена. Николай,ждавшись последнего, шагнул в клеть. Он понимал, что должен находиться около Никитича, но ничего не мог поделать с собой.

«Скорее, скорее...» — шептал он.

Николай не видел, как в сторону забоя второго параллельного штрека понесся санитарный поезд, не знал, что у бытового комбината стоит «скорая помощь». Им овладело одно желание: бежать на вокзал и уехать отсюда куда глаза глядят.

Клеть вынесла его на поверхность. По подземному коридору он прошел в ламповую, швырнул аккумулятор в угол: больше не понадобится. В мойке помылся без обычного перекура. Быстро оделся и пошел в общежитие. Он не помнил, как оказался в комнате. Решительно достал из-под кровати обшарпанный чемодан. Присел на край табурета.

И вдруг ему стало не по себе. Он почувствовал, что задыхается. Открыл окно. Пахнуло сырой прохладой поздней сибирской осени. Тяжело загромыхал состав, и шум его наполнил комнату.

«Породина, язви ее, та самая, о которую я споткнулся. Нет чтобы откинуть, оставил на колее. Сдай назад, еще, еще... — молотом стучало в висках... — Он сдержит ее... — Ну взял бы, отскочил в сторону, тогда вагонетка ударилась бы в погрузочную машину...»

— Из-за меня, из-за меня... — почти выкрик-

нул Николай, и голос его заглушило эхо уходящего поезда.

И, может быть, впервые в жизни он подумал о том, что виноват, что трус он и подлец, и удивился, как мог не видеть в себе этого раньше. Он всегда убегал, как только становилось трудно. Ему казалось, что его не понимают, что в его судьбе играют недобрую роль различные обстоятельства. А может, вся его прошлая жизнь была каким-то кошмарным сном? Кто же все-таки виноват в том, что он в сущности опустившийся человек, от которого отвернулись все? Винить теперь было некого. Ему стало страшно. Ударом ноги он загнал чемодан на место и упал на кровать, закрыв голову руками.

Отворилась дверь. В комнату вошел комендант. Он подковылял к Николаю.

— Лежишь, значит. Как же это получилось?

— Голос его дрожал, и сам он был бледным. — Слышишь, Грибов... Мне звонили сейчас, — он с минуту подумал — сказать или не сказать? — в общем, пиши объяснительную, как все было. Не забудь, говорю, написать, почему оставил пострадавшего в забое...

Миронов, опираясь на трость, заходил по комнате.

— Никитич-то в себя пришел, но плохо ему, плохо... Эх, мать честная, тяжелое наше дело шахтерское. Я вот тоже до войны в забое работал, с Никитичем начинал. Вместе, братец, в военкомат ходили. Меня-то вот взяли, а его военком пожалел — дети малые, да и уголек кому-то надо было добывать. Всю войну прошел, всякое случалось: в бомбежку землей засыпало — откапывали, не раз с поля боя выносили раненого. Да что там говорить... Эх, Грибов...

...Николай поднял голову, но в комнате Миронова уже не было. И тогда он всем сердцем почувствовал, что в его жизни наступила перемена. И еще не мог понять, что же именно произошло... Достав из тумбочки лист бумаги, шапковую авторучку, сел писать...

А что писать?..

г. Кемерово

Иосиф КУРА

МОНАРХИ

Еще в г
Не наме
Но, раз
Пылала

Все лег
Сияли
А то, ч
Всюю

Оно зв
И, потр
Над де
Взошла

Все ле
Над че
И сил
Приду

Наполн
Все рав
На вост
Террик

В них -
Пятиле
Узнаю:
Серый

Даже
И как
Подым
Даже

А внул
Прежн
Може
В эту

Нет н
Прого
И сре
Прави